

О. М. Морозова

ОН И ОНА У ПОРОГА ХАОСА НИКОЛАЙ II И АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Александра Федоровна; Николай II; переписка; гендерная история

Аннотация: В статье рассматривается переписка последней императорской четы и анализируется проявившаяся в них система взглядов, настроений и реакций императора и императрицы, связанных с ситуацией последних лет царствования.

Кому не знакомы со старых фотографий молодой человек почти всегда в военном мундире и красивая женщина с классическими чертами лица. Со временем мужчина приобрел столь любимые карикатуристами курносость и отечность лица, губы дамы стали уже, а безмятежный облик сменился нервно-недоброжелательным. Кто для русской истории последняя императорская чета — жертвы или виновники драмы?

Существование огромного массива частных писем и дневников императора и его жены дает надежду узнать облик этих людей, близкий к реальному. Столь яркие исторические свидетельства как романовские бумаги не могут не привлекать внимание исследователей. Влияние межличностных отношений царственной четы на общероссийскую историю нашло отражение в ряде крупных публикаций последних десятилетий¹. Не всегда их авторам удается подавить в себе чувство сострадания к своим персонажам, что не способствует усилению аналитической составляющей этих работ. Хотя очевидно, что такая задача не рассматривалась в качестве первоочередной. Переписка царской четы периода германской войны за 1914–1917 годы была переведена с английского языка и впервые опубликована в СССР в 1920-е годы² и практически переиздана О. А. Платоновым³ с добавлением комментариев монархического содержания.

¹ Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. М., 1992; Масси Р. Николай и Александра. СПб., 1998; Мейлунас А. Николай и Александра: Любовь и жизнь. М., 1998.

² Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. М.-Пг.: Госиздат, 1923.; Т. IV. М.-Л.: Госиздат, 1925; Т. V. М.-Л.: Госиздат, 1926.

Предыстория публикации дневников Николая II в России и за границей, его переписки с императрицей Александрой Федоровной, а также других документов царской семьи нашла отражение в исследовании группы архивистов⁴. Авторы отметили, что публикации романовских бумаг в советской России вызвали интерес и за рубежом, причем сомнений в их подлинности высказано не было. Более того, берлинское издательство «Слово» осуществило переиздание этих документов.

Тексты писем и дневников и сделанные с них переводы признаны в качестве надежного источника не только их публикаторами и учеными — источникововедами и архивистами, но и монархистами⁵.

Причастный к первым публикациям романовских бумаг М. Н. Покровский отмечал, что переписка значительно интереснее дневников⁶. В письмах диалог, обмен мнениями и информацией, в дневниках же — распорядок дня, протокол, погода. Информативный потенциал царской переписки способен дать ответы на некоторые острые вопросы. Действительно ли влияние Александры Федоровны на государственные дела в тот период было столь сильным, как утверждали слухи, наводнившие империю? Откуда пошли в адрес молодой императрицы обвинения в шпионаже? Как цари подбирали свой «ближний круг»? Какие отношения связывали самый скандальный квартет в истории России — императорскую чету, Г. Распутина и А. Вырубову? Как реагировали царственные супруги на происходящее? Какова была картина мира двух людей, оказавшихся вместе со страной на развилке исторических путей, и, по-видимому, сделавших в этой ситуации не самые верные шаги? Додумывать и строить версии нет необходимости; по большей части авторы писем высказывались откровенно — ведь они обращались к близкому человеку. Чтобы не настаивать на соб-

³ Платонов О. А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996; Он же. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005.

⁴ Додонов Б. Ф., Копылова О. Н., Мироненко С. В. Из истории публикации документов царской семьи в 1918–1920-е гг. // Отечественные архивы. 2007. № 1.

⁵ Напр. см.: Гурко В. И. Царь и царица. Париж: Книгоизд-во «Возрождение», 1927. Среди немногих отрицающих достоверность романовских бумаг П. Мультагули; основанием его сомнений видится то, что образы императора и императрицы, представленные в этих документах, недостаточно идеальны.

⁶ Цит. по: Додонов Б. Ф., Копылова О. Н., Мироненко С. В. Указ. соч. С. 5.

ственной интерпретации наиболее проблемных сюжетов, буду прибегать к цитированию⁷. Тем более, что жанр данной статьи неизбежно тяготеет к историко-психологическому портрету. А строгим сциентистским методам процесс создания психологического портрета исторического лица подчиняться не может. Он — результат слияния исторически установленных фактов с личными качествами и интуицией исследователя⁸. Приходится признавать неизбежность допущений и искажающее влияние отбора фактов на вырисовывающийся в итоге образ. Тексты, принадлежащие перу лица, чей портрет создается, могут стать наиболее полной и достоверной основой для понимания личности создавшего их человека, потому что важную роль в этом играет логика изложения.

Прежде чем давать оценку качественной стороне писем, необходимо отметить возможность изучения этого объемного источника количественными методами. В текстах писем выявлена серия устойчивых тем и стереотипов, что дает предпосылки для использования методов контент-анализа при изучении отмеченных пластов информации.

Содержание каждого послания в значительной мере зависело от времени написания. Интерес к определенным проблемам подчинялся ритму, связанному с внешними факторами, изменение же настроения происходило под общим влиянием индивидуальных психологических процессов, давления статусных контактных групп и реальных обстоятельств. Время мировой войны, разделенное на пять периодов-полугодий: август-декабрь 1914 г.; январь-июнь 1915 г., июль-декабрь 1915 г., январь-июнь 1916 г., июль-декабрь 1916 г.⁹, позволяет выявить не просто ритмику интереса авторов переписки, но на этой основе проследить особенности их реакции на происходящее, систему ценностей, доминирующие стереотипы.

⁷ Ссылки на письма Николая и Александры даны внутри текста по изданию: *Платонов О. А.* Николай Второй в секретной переписке. М., 2005; в скобках указана дата написания; принадлежащие царю обозначены буквой Н., письма царицы — буквами А. Ф.

⁸ *Миц С. С.* Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998. С. 154–155.

⁹ События января и февраля 1917 г. почти не отражены в письмах в связи с тем, что после убийства Г. Распутина император два месяца находился в Царском Селе и выехал в Ставку накануне февральских выступлений.

«Будь властелином!»

Обращает на себя внимание динамика призывов царицы к мужу показать себя истинным самодержцем. Начиная с широко известной записи в дневнике Николая: «Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. [...] Выяви свою личную волю, и не позволяй другим забыть, кто ты»¹⁰, датированной 1894 годом, она время от времени возвращалась к этой теме. Заклинания типа «Будь тверд, мой друг, [...] помни, что ты император» (А. Ф., 4 мая 1915 г.; с. 145) в первое военное полугодие отсутствуют. Но, появившись весной 1915 г. и усилившись после отступления из Галиции, они принесли свои плоды: армия получила нового главнокомандующего. Царь признавал роль жены в принятии этого важного решения (Н., 25 августа 1915 г.; с. 200). После этой реформы царица удовлетворенно вопрошала мужа, явно рассчитывая на положительный ответ: «Не чувствуешь ли ты спокойствие на душе, после того, как ты стал “уверенным в себе”?» (А. Ф., 23 августа 1915 г.; с. 192). После периода покоя реанимация этой темы происходит в середине 1916 г., когда царица вынуждена была бороться за право влиять на ключевые кадровые назначения в интересах Ники, Бэби и России.

В обнаруженных частотных показателях нет ничего неожиданного, все закономерно и вписывается в известные факты. Вывод П. Г. Курлова о том, что усиление вмешательства царицы в государственные дела связано с моментом «принятия на себя Государем Императором звания Верховного главнокомандующего и сопряженного с ним постоянного отсутствия из Петрограда»¹¹, то небольшое, с чем можно согласиться в этих апологетических мемуарах.

«Прости, что берусь не за свое дело...»

Главный упрек в адрес царицы касался ее вмешательства в дела управления государством. Правый депутат Думы В. М. Пуришкевич инкриминировал Александре Федоровне намерение встать не рядом с царем, а *вместо* царя. Причиной, которая первоначально побудила царицу поднимать вопросы руководства армией, стали адресованные ей жалобы дам о том, что их сыновей и мужей недооценивает командование, обходя в наградах и чинах. Царица с энтузиазмом способствовала восстановлению справедливости.

¹⁰ Цит. по: *Боханов А.* Император Николай II. М., 1997. С. 127.

¹¹ *Курлов П. Г.* Гибель Императорской России. М., 1992. С. 29.

Первое время царица делилась с супругом своими соображениями довольно робко: «Вот я надоедаю тебе вещами, которые меня не касаются...» (А. Ф., 24 сентября 1914 г.; с. 53). Так было до лета 1915 г. В дальнейшем ее тон сильно изменился: «Возьми клочок бумаги и запиши себе, о чем тебе нужно переговорить...» (А. Ф., 11 сентября 1915 г.; с. 245). Из-под ее пера вышло несколько весьма одиозных писем царю, которые представляли собой масшированный инструктаж мужа (См.: А. Ф., 9 сентября 1915 г., с. 236–240; 11 сентября 1915 г., с. 243–246; 3 ноября 1915 г., с. 305; 27 сентября 1916 г.; с. 620–622). А в декабре 1916 г. напор царицы достиг своего апогея. Александра откровенно давила на мужа, стремясь добиться нужного решения:

«Затем поскорее отделийся от Макарова, не мешкай (прости меня). Мне лично хотелось бы, чтоб ты взял Добровольского [...] Но Калинина [т. е. А. Д. Протопопова – О. М.] – оставь его, дорогой мой! [...] Не уступай [...] – будь властелином, слушайся твоей стойкой женеушки и нашего Друга, доверься нам!» (А. Ф., 6 декабря 1916 г.; с. 670).

Постепенно Александра Федоровна, искренне не понимая всей противоестественности этого, начала высказывать свои соображения по поводу военных действий и внутренней жизни армии. Как единичные такие случаи появились в первой половине 1915 г.

«Думаю, что германские разведчики уже под Либавой. Я уверена, что они хотят высадить массы своих бездействующих моряков и другие войска, направить их вниз на Варшаву с тыла или вдоль побережья. [...] Это мне уже с осени все приходило в голову. Мое скромное мнение таково: почему бы не послать несколько казачьих полков вдоль побережья...» (А. Ф., 20 апреля 1915 г.; с. 144).

Первое время царь оставлял без ответа эти реплики. Но в дальнейшем, к лету 1915 г., он стал сообщать ей штабные новости — планы военных действий и новые назначения. После августа 1915 г. и особенно осенью 1916 г. обсуждение этих тем в письмах участилось. Она добилась своего! И с энтузиазмом обсуждала детали:

«Я рада, что на фронте сейчас затишье, я очень тревожилась; это движение слева самое разумное — около Брод колоссальные укрепления...» (А. Ф., 28 сентября 1916 г.; с. 623).

По стране гуляли слухи, увязывающие вмешательство царицы в дела управления страной с влиянием на нее Распутина. Они безосновательны, о чем свидетельствует содержание писем. Слой преданных трону оказался перед сложным выбором: молчать или осуждать. Тогда возникла концепция «двух Николаев», хорошо выраженная в следующей сентенции военного протопресвитера о. Г. Шавельского: «...Таков был наш Государь: добрый, деликатный, приветливый и смелый — без жены; безличный и безвольный — при жене»¹². В глазах общества Александра приобрела черты злого гения императора. Этот «развод» супругов был защитной реакцией консервативного общественного сознания, направленной на сохранение привычного образа мира. Но чем очевиднее были усилия в этом направлении, тем сильнее царица стремилась привязать к себе мужа, используя все доступные ей способы, о которых речь пойдет ниже.

Чем руководствовалась эта женщина, столь бесцеремонно вмешиваясь в государственные дела? Желанием играть активную роль в управлении страной можно видеть влияние фигуры ее бабушки, английской королевы Виктории. Кроме того, у Александры было средневековое феодальное сознание, — она органически была не способна разграничить семейные и государственные дела и отношения.

Как писал о. Г. Шавельский: «Императрица, как я уже заметил, доминировала в семье...»¹³. Священник наделил царицу и упрямством и железной волей. Она тоже отдавала себе отчет в том, что обладает ими, гордилась и культивировала эти качества. Она неоднократно писала мужу, что их общие враги имеют «странный страх» перед нею. И в то же время царица болезненно застенчива. Она страдала фобиями — боязнью больших пространств, скопления масс народа и страхом перед новыми людьми. По-видимому, последние годы на троне были годами борьбы не только с врагами, но и с собой: «Я больше уже ни капли не стесняюсь и не боюсь министров и говорю по-русски с быстротой водопада!», — хвалилась она мужу, когда одерживала маленькие победы над своими комплексами (А. Ф., 22 сентября 1916 г.; с. 609–610).

¹² Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 222.

¹³ Там же. Т. 1. С. 55.

«Наши» у власти

В царской переписке часто употребляется слово «наши», обозначающее ближайший круг, прежде всего, Анну Вырубову и Распутина. Второй эшелон состоял из «ее» министров и доверенных офицеров, таких как морской офицер из экипажа яхты «Штандарт» Н. П. Саблин. Анне и Старцу дозволялось многое, вплоть до рекомендации кандидатов на министерские посты. Будущего министра внутренних дел А. Н. Хвостова «нашла» Вырубова, он произвел на нее «благоприятное, честное, лояльное, энергическое впечатление» (А. Ф. 31 августа 1915 г.; с. 212). Но больше всего рекомендаций исходило от Распутина: «Теперь, когда и Гр[игорий] советует взять Хвостова, я чувствую, что это правильно, и поэтому приму его» (А. Ф., 17 сентября 1915 г., с. 261). Всего через четыре месяца все царскосельские «наши» разочаровались в этой креатуре. Царица писала: «Я в отчаянии, что мы через Гр[игория] рекомендовали тебе Хв[остова]. [...] ты был против этого, а я сделала по их настоянию...» (2 марта 1916 г.; с. 410). Такие ошибки в кадровых вопросах оставались без последствий для «ближнего круга».

У царицы были свои специфические критерии отбора кандидатов: преданность трону и любовь к Распутину. П. В. Гурьев «любит нашего Друга», поэтому достоин быть назначенным управляющим канцелярией Синода. Кандидатуру столь печально известного в истории Протопопова Александра характеризовала следующим образом:

«Уже, по крайней мере, 4 года, как он знает и любит нашего Друга, а это многое говорит в пользу человека. [...] Я не знаю его, но верю в мудрость и руководство нашего Друга» (А. Ф., 7 сентября 1916 г., с. 586).

К осени 1916 г. ей удалось выстроить идеальную, по ее мнению, вертикаль власти: царь в Ставке со «славным Алексеевым» руководит православным воинством, она в столице вместе с послушным кабинетом управляет жизнью тыла. Сам император России благодарит ее за посильную помощь в деле управления огромной воюющей страной. Надо думать, осенью 1916 г. Александра Федоровна была некоторое, очень недолгое время все же счастлива, читая такие строки: «Ты такая сильная и выносливая — восхищаюсь тобою более, чем могу выразить» (Н., 4 декабря 1916 г.; с. 668).

Как она ни пыталась убедить себя и Николая, что созданная ею система дееспособна, и что лишь злонамеренные упрямцы не видят этого, после того как «мальчик» (Н. П. Милюков) прокричал, что король голый, все покатило под откос. Недовольство и подозрительность, легализовавшись, стали набирать силу. Упорство царской администрации в отстаивании одиозных министров лишь усиливало ярость общества. Императрица дорожила не столько Штюмером и Протопоповым, сколько своим положением вершины пирамиды.

Картина мира царицы

Некоторые из авторов, желающих исторического оправдания царицы, утверждают, что она была скорее англичанкой, чем немкой. Осиротев, воспитывалась у бабки; основным языком для нее был английский, — на нем она вела переписку и говорила в семье. Александра хотела быть русской царицей и восприняла многие (причем не самые достойные) черты среднего русского обывателя.

Отношение к Германии у нее закономерно было двояким. Имея родственников по обе стороны фронта, она принимала близко к сердцу их утраты. Но, будучи русской царицей, ненавидела немцев как нацию, особенно пруссаков, наверное, как принцесса маленького Гессена, который подмяла под себя грозная Пруссия. Ее ненависть к кайзеру была усилена еще и тем, что война разрушила благополучие ее маленькой родины, которое так долго строили ее отец и брат Эрнст (А. Ф., 24 сентября 1914 г.; с. 50).

Если могут быть супермонархисты, то это Александра Федоровна. Для нее монархическая идея не имела ни границ, ни исключений. Она добивалась, чтобы пленным немцам разрешили праздновать день рождения кайзера Вильгельма¹⁴. Особа монарха священна и неприкосновенна, считала Александра. Немецкая бомбардировка виллы бельгийского короля Альберта кажется ей нару-

¹⁴ Ее намерения не могли найти понимание в военных кругах. В октябре 1916 г. из Главной военно-цензурной комиссии Главного управления Генерального штаба в местные военно-цензурные органы ушло такое распоряжение: «Прошу о задержании корреспонденции с изображением на почтовых карточках портретов государей враждебных нам держав и символическим изображением борьбы таковых с державами Согласия, а также с портретами командующих армий враждебных нам государств» (Государственный архив Ростовской области. Ф. 816. Оп. 1. Д. 13. Л. 84).

шением всех человеческих законов: «...Но я никогда не слыхала, чтобы кто-нибудь пытался убить государя только потому, что он враг во время войны!» (А. Ф., 22 октября 1914 г.; с. 58). Оккупацию Сербии считала наказанием за то, что сербы «убили своих короля и королеву» (А. Ф., 1 ноября 1915 г., с. 300).

Александра убеждена, что коронованные особы существа иной природы, нежели остальные люди, и когда они нисходят со своего Олимпа, это должно иметь колоссальное влияние на настроения подданных. Она регулярно призывала царя чаще *показываться* войскам, ведь они умирают за него, а не за Ставку и генералов: «Что же чувствуют те тысячи, которые видят тебя и Бэби вместе, таких простых и доступных?» (А. Ф., 4 ноября 1915 г., с. 306).

Воспитанная королевой Викторией она ненавидела конституционную монархию! В системе ее взглядов существование Думы было вынужденной и ошибочной уступкой. «Россия, слава Богу, не конституционная страна, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться!»¹⁵, написала внучка королевы Викторией, и рука ее не дрогнула. Категория «вмешательство в дела, которые их (его, ее) не касаются» – важнейшее определение пределов компетенции для подавляющего числа ее подданных. Не имеют права вмешиваться в дела, которые их не касаются: думцы, земцы, офицеры и солдаты, журналисты и прочие обыватели государства Российского. Самодержавный стиль правления казался ей целесообразнее любого другого: «...Насколько это легче самодержавному монарху, чем тому, который присягал конституции!» (А. Ф., 14 декабря 1916 г., с. 686).

Александра, как и ее царственный супруг, считала монархию частным, семейным делом. Это — черта, свойственная Романовым. Как писал П. А. Кропоткин о «либеральном» Александре II: «Малейшие беспорядки подавлялись по его приказанию с беспощадной строгостью. Каждое такое возмущение он принимал за личное оскорбление»¹⁶. Но у Аликс для этого были и свои женские мотивы: ведь царствовал ее супруг, а трон наследовал ее сын. Поэтому в государственных делах она считает собственное мнение, как лица заинтересованного, определяющим. Царица рассматривала Россию как имущество, подлежащее передаче по наследству. Она видела свою

¹⁵ Платонов О. А. Николай Второй в секретной переписке. С. 183.

¹⁶ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1990. С. 143.

жизненную миссию в том, что сохранить абсолютную царскую власть и передать самодержавный трон сыну:

«А мы должны передать Бэби сильную страну и не смеем быть слабыми ради него, иначе ему будет еще труднее царствовать, исправляя наши ошибки и крепко натягивая вожжи, которые ты распускаешь», — писала она мужу. (А. Ф. 13 декабря 1916 г., с. 682).

По характеру Аликс не была способна ни на какие компромиссы. Она одобряла самые крайние действия царя: очень хорошо, что не принял Родзянко; отлично, что распустил Думу; не принял московскую депутацию — тем лучше. Всякие шаги навстречу обществу будут, по ее мнению, означать, что царь одобряет существование Думы, Земгора и других «непатриотических» организаций; царю нельзя делиться с ними силой своей сакральности!

Царица испытывала навязчивые состояния, сильно влиявшие на ее восприятие действительности. Она постоянно чувствовала себя в окружении врагов. Ее мир был полярным: с одной стороны «наши», с другой — сплоченная масса недоброжелателей: «они все заодно». Вследствие своей эмоциональности Аликс была крайне несдержанна в оценке людей, особенно думских деятелей. Родзянко был и мерзким, и гнусным (А. Ф., 25 июня 1915 г., с. 183; 23 июня 1916 г., с. 531), Щегловитов — тряпка и дурак (11 сентября 1915 г., с. 244; 17 сентября 1915 г., с. 264). Если хотя бы часть этих характеристик была озвучена в разговорах, то причины нелюбви к ней очевидны.

Она, выросшая в стране с многовековыми традициями парламентаризма, просто брызжет непарламентскими выражениями в адрес парламентариев: Гучков — «скотина», причем умная (А. Ф., 18 сентября 1915 г., с. 600; 21 сентября 1916 г., с. 606). О председателе Государственной думы: «Как я хотела бы, чтоб Родз[янко] повесили — ужасный человек и такой нахал!» (А. Ф., 17 сентября 1916 г., с. 599). Раздражавшим ее общественным деятелям грозила каторгой:

«Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь (так делалось и за гораздо менее важные проступки), отняла бы чин у Самарина (он подписал эту московскую бумагу). Милюкова, Гучкова и Поливанова — тоже в Сибирь. Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена» (А. Ф., 14 декабря 1916 г., с. 686).

Гучкову досталось больше ругательств, чем кому-либо другому. «...Гучкову — место на высоком дереве» (А. Ф., 8 ноября

1916 г., с. 657). Александра как чувствовала его роль в будущих событиях: «Гучков очень болен; желаю ему отправиться на тот свет, ради блага твоего и всей России, — поэтому мое желание не греховно», написала она мужу (А. Ф., 4 января 1916 г., с. 361). Когда Гучков начал поправляться, она откровенно расстроена: увы! (А. Ф., 7 января 1916 г., с. 370).

Иерархия ее ценностей проявляется в ее поступках и руководит ими. Высшими являются сын и муж. Распутин при всем преклонении лишь инструмент служения им, хотя и критерий оценки вещей. Построение ее сумбурных писем этого периода хорошо демонстрирует логику мышления царицы. Протопопов, Штюрмер и другие министры, любящие «нашего Друга», нужны как буфер между Распутиным и всеми, кому не нравилось его присутствие вблизи трона. Ценность же Распутина виделась ей в том, что он, как титан, держит на себе весь колоссальный вес империи, отводя грозящие ей опасности. Происки против Распутина и верных министров она рассматривала как враждебные шаги по отношению к ней самой. «Все это снова направлено против твоей женушки», — разоблачала она суть интриг против Протопопова, Шаховского, Штюрмера. Навязчивой идеей стало подозрение, что ее хотят удалить от царя и заточить в монастырь.

Панически боясь расставания с семьей, она усиленно внушала царю, что она — его единственная опора, что борьба против нее — это борьба против него, без нее царь станет легкой добычей их общих врагов, враги хотят их одолеть по одиночке, но вместе — вдвоем и с помощью «Божьего человека» — они непобедимы. Она и царь сплетались ею в неразрывное целое: «Макаров [министр юстиции — О. М.] действительно враг (мой безусловно, а потому и твой)...» (А. Ф., 10 декабря 1916 г., с. 677). Она последовательно рассорила Николая со многими структурами власти, даже с Государственным советом — консервативным органом, состоявшим из отставных чиновников.

Она сознательно гиперболизировала вопрос о своей роли в делах империи до размеров вопроса о монархии, а это уже большая ошибка. Но, так или иначе, очевидно, судьба России в случае, если она перестает быть вотчинным владением ее мужа и сына, была ей не интересна. Если она не императрица, то тогда не важно, будет ли существовать трон вообще. Вот такой монарший максимализм.

Царица отличалась крайней субъективностью. Она немедленно отреагировала на просьбу Распутина освободить от призыва его единственного сына, но осуждала великих князей за нежелание находиться в действующей армии, в частности, упоминала «бедных Константиновичей», сыновей великого князя Константина Константиновича, которые «всегда больны», забыв о героической гибели одного из них — Олега.

В ее письмах встречается множество имен, и упоминания обычно сопровождаются оценкой. Генерал Ф. А. Келлер, искренний монархист, просил Вырубову передать царице, что он ее верный слуга, поэтому все, что он делает, та приветствует, даже его «импозантные и волнующие» выезды под стягом Спаса Нерукотворного в сопровождении сорока полных георгиевских кавалеров («иначе он не выезжает»). Попробовал бы кто-либо из нелюбимых ею генералов сделать что-то подобное, она б его разнесла в пух и прах!

Александра была известна религиозностью. Мне трудно судить в полной мере о каноническом соответствии ее мировоззрения христианству и православию, но есть очевидные факты, заставляющие говорить об его известном своеобразии. Царица, не замечая этого, святотатствовала, уподобляя Распутина Христу: оба были гонимы нечестивцами (см.: А. Ф., 5 апреля 1916 г., с. 454–455). Она позволяла себе такие выражения в адрес служителей церкви: «Питирим¹⁷ хочет, чтобы Никон¹⁸ (эта скотина) был послан в Сибирь...» (А. Ф. 7 января 1916 г., с. 369); Она верила в знамения и даже разбиралась в их толкованиях. Посещала известных старцев и стариц. Пророчествам Григория верила безоговорочно. Других за подобное суеверие осуждала, ведь Христос отвергал волхвов и гадателей.

После переворота и отречения вера стала ее основным утешением. Только мысль, что Бог не даст в обиду своего помазанника, спасет и восстановит в правах, помогала сохранить последние надежды: «Он — наше единственное упование [...] Все будет, все должно (*sic!* — О. М.) быть хорошо, я не колеблюсь в вере своей!» (А. Ф., 3 марта 1917 г., с. 710).

Многие мемуаристы и позднейшие исследователи пытались разобрататься в причинах единодушного чувства нелюбви к царице. Версии строились вокруг мысли о ее происхождении, что она так и не

¹⁷ Митрополит Петроградский и Ладужский, друг Распутина.

¹⁸ Архиепископ Вологодский и Тотемский, противник Распутина.

смогла стать своей на новой родине. Однако датчанка Дагмара, ее свекровь, таких чувств не вызывала. Кайзер Вильгельм сам был наполовину «англичанин» — внук королевы Виктории по материнской линии. Но ни немцы не обвиняли своего монарха в этом родстве, ни англичане — своего.

Действительно ли это было вызвано непохожестью царицы на русскую женщину? Это можно проверить, сравнив ее суждения и поступки с комплексом представлений, типичным для российского обывателя того времени. Для него были свойственны антигерманские настроения, недовольство чиновничьим аппаратом, болезненная реакция на всякие умаления справедливости, резкие высказывания по поводу тыловых служб, пренебрежение финансовыми вопросами. И что же у нее? Да то же самое! Та же ненависть к Вильгельму, та же вера в засилье немецких шпионов, которых готова ловить и выявлять чуть ли не сама (см.: А. Ф., 13 апреля 1915 г., с. 136); то же злословие по поводу тыловых служб; те же разговоры о несправедливости в распределении наград и чинов, которые вели в то время фронтовые офицеры; вопреки немецко-английской природе чисто по-русски: «...Моя голова, я уверена, никогда не разберется в денежных делах — я так их не люблю» (А. Ф., 13 ноября 1915 г., с. 322). Ей присуще распространенное тогда настроение — порицание столиц и восхваление провинции. Шпиономании у нее не меньше, чем у жены коллежского регистратора. Разговоры о шпионе в Ставке, поднятые как будто бы с подачи французского посла М. Палеолога, она передавала царю. Требовала от царя разобраться в информации, циркулирующей в столице, по которой следует, что остзейские бароны шпионят и сотрудничают с германской армией: «Везде такое множество шпионов, что это, может быть, и правда...» (А. Ф., 24 сентября 1914 г., с. 52). Она также как и большинство ее подданных возмущалась поведением жены военного министра В. А. Сухомлинова:

«Эта дура губит своего мужа и рискует собственной шеей [...] она сильно ему вредит, так как он ее бессловесный раб, это очевидно для всех. Мне так хотелось бы суметь его убедить насколько прибрать ее к рукам» (А. Ф., 28 ноября 1914 г., с. 84).

Она не узнавала себя ни в m-me Сухомлиновой, ни в М. Ф. Кшесинской, которых резко критиковала за выполнение независимой активной роли, по мнению общества неприличной для женщины. Да, мы забыли — она была женой Цезаря...

Альков и не только

Однако в чем царица Александра Федоровна была мудра, так это в семейной жизни. Тут она до поры до времени настоящая немка: *Kirche, Kinder, Küche*. Александра была корректна в отношении тех родственников мужа, которых он любил: матери, брата, сестры. Хотя известно, что отношения были не безоблачными, особенно после появления Распутина. Она позволяла себе делать им замечания только тогда, когда он первый выказывал недовольство. Ее женское чутье помогало ей стать необходимой своему мужу и со временем управлять его мнением. Она хорошо знала его, любила его и мечтала стать его опорой. Она знала, на какие струны стоит надавить, чтобы добиться своего. Одна из сфер, в которой царь чувствовал себя уверенно, это роль мужа.

Перед нами переписка супругов, поэтому она не может обойтись без выражения чувств. Николая и Александру связывали любовь и привязанность. В 1904 г., отправляясь на юг с инспекционной поездкой, царь записал в дневнике, как одинок без жены; через 10 лет в день двадцатилетия свадьбы, 14 ноября 1914 г., назвал свой брак благословением свыше и великой милостью. Как настоящий солдат с фронта он писал жене в ответ на ее теплые слова: «Я тоже люблю тебя и очень много дал бы, чтобы угнездиться около тебя в нашей удобной старой постели; моя походная постель так жестка и тверда!» (Н., 7 сентября 1915 г., с. 233). Таких свидетельств пылких чувств множество.

Аликс не могла не вносить в переписку нотку чувственности, важную для сохранения ощущения супружеской близости и на расстоянии: «Посылаю тебе ландыши, я их целовала. Они наполняют благоуханием твое маленькое купе». В частоте появления на страницах писем слов интимного содержания прослеживается определенная хронологическая закономерность. Всплески сентиментальности и эротизма на страницах императорской переписки приходятся на зиму 1915–1916 г. и осень 1916 г., что совпадает с осложнением ситуации не на фронте, а в столице и Ставке. В августе 1915 г. после принятия Николаем на себя верховного главнокомандования обращение к сфере, где Николай успешен — семейной и интимной, должно было вселить в него дополнительную уверенность в себе. Показательно письмо царицы от 22 августа 1915 г.¹⁹ В

¹⁹ Платонов О. А. Николай Второй в секретной переписке. С. 189–192.

нем соседствуют и несколько раз перемежаются фразы об объятиях, любви и ласке и призывы стать Государем и Самодержцем, которого все так ждут и без которого страна существовать не может. И Николай верно реагирует на это: ее любовь как мужчине ему льстит и укрепляет уверенность в своих силах.

Желая добиться нужного ей решения, Аликс перемежала деловые вопросы с «любовной лирикой». Например, пересказ мнения Распутина о генерале Н. И. Иванове как самом подходящем кандидате на пост военного министра завершается словами:

«Чувствуешь ли ты мои объятия и мои губы, прижатые к твоим горячим устам в горячей страсти? Бог да хранит тебя, мой единственный и мое все, мой Солнечный Свет!» (А. Ф., 14 марта 1916 г., с. 432).

Нотки интимной близости являлись тем ключом, которые открывали глубины подсознания ее венценосного супруга. В дальнейшем, по мере накопления проблем, царица все чаще эксплуатирует этот прием: «О, каково-то мне будет ночью одной!» (А. Ф., 28 января 1916 г., с. 387); «Скажи Мальчику, что дама сердца посылает ему свой любовный привет и нежные поцелуи и часто вспоминает о нем в одинокие бессонные ночи» (А. Ф., 1 февраля 1916 г., с. 391). Царь тоже скучает, и уже не только ее, но и его письма становятся эмоциональнее:

«Мое дорогое маленькое Солнышко! Я горю нетерпением поскорее увидеть тебя, слышать твой голос, смотреть в твои глаза и чувствовать себя в твоих объятиях! Я думаю, что разлука действительно делает любовь еще сильнее и взаимное влечение еще больше» (Н., 13 января 1916 г., с. 382).

В последующие месяцы Николай, открыв для себя жанр открытого письма, иногда с большим удовольствием пишет о самых интимных сторонах отношений с женой (см.: Н., 8 апреля 1916 г., с. 464; 16 июля 1916 г., с. 520 и др.). Весной 1916 г. в письмах императрицы эта тема становится менее явной. Меньше экзальтации в выражении чувств любви, отсутствует эротизм. Похоже, после назначения Штюрмера она немного успокоилась. Письма царицы наполнены рассказами о детях, о посетителях — друзьях и родственниках, о домашних занятиях семьи. Возврат к стилю сексуально окрашенных писем приходится на сентябрь того же года. Тогда обострилась обстановка вокруг кадровых назначений на министерские посты и борьба круга «молодой» императрицы с Думой.

Наперсница-соперница

Вырубова может показаться истеричной поклонницей и не более. Может быть. Элементы институтского обожания кумира в поведении фрейлины были: «Аня шлет тебе свой привет, целует твою руку и постоянно думает о тебе» (А. Ф., 24 августа 1915 г., с. 195). Но многие фразы из писем царицы указывают, что та как минимум желала иметь со стороны императора внимание как от мужчины.

Содержание писем императорской четы проливает свет на место Анны Вырубовой в истории этой семьи. Кроме того, что она была наперсницей Александры Федоровны и доверенным лицом Старца, Анна некоторое время была одной из вершин любовного треугольника, чуть было не разрушившего ее дружбу с царицей.

Обратимся к тексту письма царицы от 1 января 1916 г.:

«О, любовь моя, как много это письмо для меня значит, и как ужасно я по тебе скучаю! Я тоскую по твоим поцелуям и объятьям; застенчивая детка дарит мне их только впотьмах, а женушка лишь ими и живет. Я терпеть не могу выпрашивать их, подобно А...» (с. 357)²⁰.

То, что в других письмах есть указания на существования особых отношений между Вырубовой и Николаем, показывает, что мы имеем не со случайной двусмысленностью. Наиболее определенно об этом свидетельствует отрывок из письма Александры от 26 января 1915 г. Незадолго до этого Вырубова пострадала в железнодорожной катастрофе и на правах больной требовала к себе много внимания. Николай собирался в конце января вернуться в Царское Село, и царица просит его быть строже и холоднее с Вырубовой, иначе «у нас опять пойдут истории, любовные сцены и скандалы, как то было в Крыму». Анна надеется «вернуть былое»²¹.

Вероятно, начало отношений царя и Анны относится к 1906 г. С 1911 г. (и особенно, как отмечала царица, с осени 1913 г. по весну 1914 г.) происходили некие события, после которых она сильно охладела к Вырубовой. Александра упоминала «ее гнусное поведение», «ее грубые выходки и капризы», которые и вызвали перелом в отношениях (А. Ф., 27 января 1915 г., с. 99). Затем в Крыму между женщинами произошло некое объяснение, они стали, по словам царицы, вновь друзьями, «но что-то ушло [...] она уж больше ни-

²⁰ «А.» в письмах царицы, полагают комментаторы, это Анна Вырубова.

²¹ Там же. С. 96.

когда не будет мне так близка, как раньше» (А. Ф., 17 ноября 1914 г., с. 68). Царица в письмах мужу оставила нелестные отзывы о ее прожорливости и изъянах внешности: колоссальный живот и крайне неаппетитные ноги. Александра много злословила по ее поводу, осуждала афиширование ею особых отношений с царями.

Упоминаются личные письма фрейлины императору:

«Посылаю тебе очень толстое письмо от “коровы” [т. е. Вырубовой — О. М.]. Это влюбленное существо должно было вылить всю свою любовь [...] иначе лопнула бы!» (А. Ф., 6 октября 1915 г., с. 282).

Эти послания, должно быть, были не нейтрального содержания, а то бы Аликс не задала такой вопрос:

«Любовь моя, ведь ты сжигаешь ее [т. е. А. А. Вырубовой, уточняет комментатор — О. М.] письма, чтоб они никогда не попали в чужие руки?» (А. Ф., 6 января 1916 г., с. 368).

То, что Николай, глубоко любя жену, тем не менее, мог не соблюдать ей абсолютную верность, свидетельствует, в частности, история с некой m-me Солдатенко, относящуюся к сентябрю 1916 г. Да и не в традициях русского двора было пуританское поведение монарха. Как вспоминал П. А. Кропоткин, в юности воспитывавшийся в Пажеском корпусе и хорошо узнавший дворцовые нравы, императрица Мария Александровна, супруга Александра II, вызывала недоумение света тем, что слишком близко к сердцу принимала «шалости» мужа²².

Под влиянием Распутина потепление в отношениях царицы и Анны произошло в апреле 1915 г. В это время Распутин был в столице и неоднократно встречался с Вырубовой; возможно, именно он сумел объяснить ей всю опасность ее поведения для судьбы их общих отношений с императорской четой. Вероятно, он говорил и с царицей. По некоторым репликам Александры ясно, что характер Анны стал не на много лучше, но изменилось отношение царицы.

Аликс понимала, что их сблизил деятельность по защите Распутина, а потом и угрозы расправы, раздававшиеся в адрес Анны. Февраль 1917 г. сделал из них настоящих подруг: бывшая императрица слала из ссылки в Петроград голодающей Вырубовой макароны, теплые вещи и очень переживала о ее судьбе и безопасности.

²² Кропоткин П. А. Указ. соч. С. 144.

Император

Переписка дает объемный портрет царицы, образ же царя за строками ответных более кратких писем проступает не так явно. Каков был этот человек, монарх огромной державы и муж женщины с сильным характером? Редкие эмоциональные вставки в письмах дают представление о том, что его волновало. Так, письмо из Ставки от 22 июня 1916 г.:

«У Барановичей атака развивается медленно — по той старой причине, что многие из наших командующих генералов — глупые идиоты, которые даже после двух лет войны не могут научиться первой и наипростейшей азбуке военного искусства. Не могу тебе выразить, как я на них сердит, но я добьюсь своего и узнаю правду!»²³.

Те же киты мировоззрения недовольного офицерства в период Великой войны, что и во многих фронтовых письмах того периода: бездарное руководство, обман; нет только намеков на предательство в верхах. Странно, что это писал царь, на счет которого все остальные офицеры империи относили вину за все эти безобразия.

Из дневников, которые вел Николай с 13 лет, очевидно, что для него характерен пассивный тип реакций: он не столько влияет на события, сколько реагирует на них. Односложные предложения говорят об интровертности: «Много читал. Обедали и вечером сидели вместе». Не дневник, а театр теней — тени событий и истинных чувств. Для Николая характерны фатализм и упование, все-таки он считал себя под покровительством Бога. Принимая важные решения, он приобретал особую уверенность, если считал, что так исполняется высшая воля.

Некоторые строки из переписки дают представление о способе мышления царя как политического деятеля и высшего чиновника империи. Во-первых, он недалководен и иногда излишне эмоционален. Например, он записал в дневнике: «Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения [...] на Черном море!». Прогерманская ориентация Турции с начала века была секретом Полишинеля. Хотя в целом, царь не глуп. Он многое видит, но привык уступать мнению ближнего круга. Уже в начале июля 1916 г. он осознал инертность Штюрмера, неспособность Прото-

²³ Платонов О. А. Николай Второй в секретной переписке. С. 528.

попова к планомерной работе; но они продолжали оставаться министрами, потому что оба — честные и хорошие люди. С лета 1915 г. Николай, как Диоген, все искал человека, «умного и энергичного», с которым все наладилось без изменений в существующей системе. Ему хотелось, чтобы министры составляли единую команду. Но в действительности его отношения с думцами и чиновниками все ухудшались. Со временем и у него стали вырываться фразы о том, что не только Думу, но и Государственный совет следовало бы «прикрыть», как только появится перерыв в их заседаниях. Такие органы как Дума и Земгор рассматривались им как лишние и мешающие работать. Сам же он после августа 1915 г. просто задыхался от обилия дел. Гражданские чиновники для решения вопросов приезжали из столицы, долго ждали приема и потом надолго задерживали царя; как писал он: «...Я обыкновенно ложусь после 1 ч. 30 м., проводя время в вечной спешке с писанием, чтением и приемами!!! Прямо отчаяние!» (Н., 11 июня 1916 г., с. 514). Братся за все сразу царя заставляло невысокое мнение о высшем эшелоне своих слуг: хороших генералов мало, а «министры, как всегда, очень слабы» и их нужно заставлять (!) работать.

Часто, говоря о личных качествах последнего Романова, мы упускаем из виду его предшественников на троне. Прояснение вопроса затрудняет недостаточность объективных свидетельств от осведомленных лиц. Информативными в этом плане могут оказаться воспоминания князя-анархиста П. А. Кропоткина. Будущий анархист лично наблюдал Александра II и молодого Александра III. Он отмечал общее — полное отождествление себя и государства. Жизнь *вне* общества, *над* обществом, по собственным августейшим правилам и признание такой жизни священным *правом* Семьи являлись фамильными чертами династии. Бедой Николая II стало то, что в начале XX в. они стали анахронизмами.

«Наш Друг»

Все мемуаристы, от бывших думских лидеров и аристократов до простых обывателей связывали кризис монархии с Распутиным:

«...Присутствие при дворе в интимной его обстановке человека, столь опороченного, развратного и грязного, представляет из себя небывалое явление в истории русского царствования»²⁴.

²⁴ Родзянко М. В. За кулисами царской власти. М., 1991. С. 10.

Высшей власти пеняли то, что именно она первой начала нарушать древние традиции.

Выражение «наш Друг», которым именовала царица Г. Распутин, подчеркивает особую близость его к царской семье. Присутствие Распутина вблизи трона царица считала личным делом Семьи, но с другой стороны, она была уверена в том, что Распутин мистическим образом связан с Россией. Он — их заступник перед Богом, его молитвы лучше слышат на небесах, он живет для Государя и России и выносит все поношения ради него. Свою же миссию она видела в том, чтобы в качестве ответного дара защищать Григория: «Враги нашего Друга — наши враги...» (А. Ф., 16 июня 1915 г., с. 166).

Он — персонификация нации — в годы войны всем своим естественным был одним целым с русской армией. Даже ситуация на фронте отображалась в его самочувствии. Или: «А[ня] только что была у меня, она видела Гр[игория] сегодня утром. Он в первый раз после пяти ночей спал хорошо, и говорит, что на фронте стало немного лучше» (12 июня 1915 г., с. 160). Многие беды и удачи в жизни окружающих трактовались царицей как последствия хороших или плохих поступков в отношении Григория. Между отношением к Распутину и качествами людей Аликс видела связь: постичь святость Григория может лишь открытая и чистая душа, отзывчивая к его духовному влиянию.

Рекомендации, даваемые Распутиным, вписываются в народный образ царя, которому так хотел соответствовать Николай. Вот рецепт преодоления «мясного» кризиса в изложении царицы: «Наш Друг думает, что один из министров должен был бы призвать к себе нескольких главных купцов и объяснить им, что преступно в такое тяжелое время повышать цены, и устыдить их» (А. Ф., 10 апреля 1915 г., с. 122–123). Здесь она передает присущий Григорию крестьянский взгляд на управление: командуй построже, а холопы все исполнят.

Для царей он — и *voix dei*, и *voix populi* в одном лице. Послушание Распутину выходило далеко за рамки вопросов здоровья Алексея. Распутин, как бы с позиции простого народа, велел царице ездить по госпиталям в одежде сестры милосердия, и она слушалась. Григорий также высказывался по поводу выпуска снарядов; о мобилизации; о графике работы Государственной думы и о внешнеполитических делах; по вопросам военной стратегии: в телеграмме(!)

предупреждал царя, что наступление через Румынию сделает незащищенным тыл (А. Ф., 6 ноября 1915 г., с. 310). Григорий давал оценки военным планам, составленным Ставкой. Так в январе и сентябре 1916 г. он был недоволен начавшимся наступлением.

Аликс свято верила: «...Бог дал Ему больше предвиденья, мудрости и проницательности, нежели всем военным вместе...» (А. Ф., 7 сентября 1916 г., с. 586). Неоднократно Григорий предсказывал скорое окончание войны, но сроки проходили, а война продолжалась. В течение 1916 г. он часто повторял, что наступают лучшие времена. И даже за несколько дней до своей смерти Распутин, по словам царицы, был весел и считал, что теперь все пойдет хорошо.

Чем же объяснить столь магическое влияние Григория Распутина на царицу и на ее супруга кроме удивительной способности помогать наследнику в периоды обострения болезни? Царь упоминал в дневнике, что беседа с Распутиным успокаивала его, он так и называл это — «утешение беседы». Что говорил Григорий царю, известно. Он говорил то, что хотел услышать монарх: о любви народа к царю, о том, что народ не желает изменений и прочее. Как писала царица:

«Он [Григорий] много и прекрасно говорил, — что такое русский император: хотя и другие государи помазаны и коронованы, только русский император уже 300 лет является настоящим помазанником Божиим» (А. Ф., 14 июня 1915 г., с. 163)

Такие слова не могли не радовать монаршие уши.

У Александры был мощный комплекс: страх лишиться трона. Он был приобретен ею в своей Гессен-Дармштадтской семье, которая в каких-то пять лет потеряла суверенитет и из княжеской династии превратилась в одно из второстепенных аристократических семейств с небольшими земельными владениями и очень умеренными доходами, каких было много в Европе. Все это проделали над маленьким немецким княжеством кузен Гогенцоллерн и Отто фон Бисмарк. Сначала «железный канцлер» загнал их маленькое княжество в Северогерманский союз (1867), а потом им пришлось стать подданными германского императора Вильгельма I (1871). Все эти действия визировались, хотя и не без борьбы, рейхстагом. Не отсюда ли ненависть к парламентам, решающим судьбы монархий? Возможно ее война с Думой — отголосок войны ее отца с Бисмарком.

Распутин помогал рассеивать страхи, рожденные этим комплексом. Он неизменно говорил, что страна любит своих царей, что Россия немыслима без монархии, что на династии лежит благодать небес, которую он лично и наблюдает. Он помогал снять напряжение от давящих обстоятельств, обрести уверенность в будущем.

Случилась бы революция при другом царе? Вероятно, да. Сильный политически и человечески кайзер Вильгельм также лишился трона. Слабый, как и Николай, король Англии Георг V сохранил за собой престол. Быть или не быть революции решалось не в Царском селе.

Личность императрицы была лишь отягчающим ситуацию фактором. Даже если бы она была уважаема как ее свекровь Мария Федоровна, это не укрепило бы позиции престола.

Николай и Александра не могли остановить ход событий, они смогли лишь ускорить падение монархии. Парадоксальность ситуации в том, что они оба соответствовали среднестатистическому типу подданного Российской империи, отличались теми же стереотипами и заблуждениями, что и большинство их вассалов. Но, тем не менее, это большинство их отвергло. Должно быть, в глазах массы властитель должен быть существом *иного*, высшего порядка. Поэтому и мужик-советчик, и похабные разговоры о венценосцах, и большое количество несчастий, поразившее царскую семью, ускоряло десакрализацию власти в глазах подданных.

К началу 1917 г. Николай и Александра свою историческую роль сыграли до конца. Совесть их могла быть спокойна: они выполняли долг перед Богом, перед Россией, перед престолом предков, перед своим сыном так, как считали нужным. Все уральские события — это фрагменты личной трагедии семьи, которая для Большой истории была уже потеряна.

*Морозова Ольга Михайловна
кандидат исторических наук, доцент
кафедры Связи с общественностью
ДГТУ, Ростов-на-Дону
E-mail: leonolga@ctsnet.ru*